

Профессиональное образование
в современном мире. 2016. Т. 6. № 3. С. 504–509
DOI: 10.15372/PEMW20160318
ISSN 2224-1841 (печатный)
© 2016 ФГБОУ ВО Новосибирский ГАУ

Professional education in the modern world,
2016, Vol. 6, no. 3. pp. 504–509
DOI: 10.15372/PEMW20160318
ISSN 2224-1841 (print)
© 2016 Federal State State-Funded Higher
Institution Novosibirsk State Agrarian University

ФИЛОСОФСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

PHILOSOPHICAL RENDERING OF A TEXT IN EDUCATIONAL PROCESS

УДК 37.012.1

DOI: 10.15372/PEMW20160318

С. П. Кушнаренко

ФГБОУ ВО Новосибирский ГАУ,
Новосибирск, Российская Федерация,
e-mail: kushnarenko.sergey64@mail.ru

Kushnarenko, S. P.

Novosibirsk State Agrarian University,
Novosibirsk, Russian Federation,
e-mail: kushnarenko.sergey64@mail.ru

Аннотация. В статье разрешается проблема совмещения интерпретации, понимаемой как экспликация конституированного смысла, и анализа как дескрипции конституирования смысла. Исток проблемы – представление о тексте как отдельном от личности интерпретатора, и отсюда – допущение о наличии общего понятия текста как объекта, имеющего заданный смысл. Решение проблемы – репрезентация «текста» как неотделимого от личности читателя в составе «произведения» и анализа как глубинного слоя самой интерпретации. Философская интерпретация текста выявляет основание единства всех уровней его интерпретации и определяет иерархию этих уровней. Она соотносит все виды опыта данности текста с бытием человеческой личности. Нарушение иерархии уровней интерпретации ведет к деформации понимания у читателя и к искажению выделяемого смысла. Если в учебнике по физике искажение смысла не приводит к искажению истины, то в учебнике по философии деформированное мышление автора к этому приводит.

Abstract. The article solves the problem of combination of interpretation, which is rendered as explication of constituted sense and analysis as description of constituting sense. The problem raises from the view that text is regarded separately from the personality of interpreter. Therefore, we can consider the general rendering of a text as an object, which has strict sense. The author sees solution of the problem as rendering of a text as inseparable from reader's personality in the "text" and analysis the deep layer of interpretation. Philosophical interpretation of text reveals the unity of all levels of interpretation and defines the hierarchy of these levels. It correlated all the experience of the text with human existence. Breaking of hierarchy of interpretation levels leads to deformation of reader's understanding and changes in the sense. If we speak about changes in sense in the textbook on Physics, then it doesn't result in perversion of the truth whereas it concerns Philosophy, then broken thinking of the author leads to perversion of the truth.

Ключевые слова: текст, произведение, смысл, интерпретация, анализ.

Key words: text, writing, sense, interpretation, analysis.

Для цитаты: Кушнаренко С. П. Философская интерпретация текста в образовательном процессе // Профессиональное образование в современном мире. 2016. Т. 6. № 3. С. 504–509. DOI: 10.15372/PEMW20160318.

For quote: Kushnarenko S. P. [Philosophical rendering of a text in educational process]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire* = Professional education in the modern world, 2016, Vol. 6, no. 3. pp. 504–509 (in Russ). DOI: 10.15372/PEMW20160318.

Введение. Согласно В. И. Молчанову [1, с. 133], существуют две стратегии подхода к тексту, противостоящие друг другу: *интерпретация*, исходящая из данности текста и представляющая собой репродукцию его смысла, и *анализ*, использующий текст для осуществления нового опыта, в ходе которого продуцируется новый смысл. В случае философской интерпретации это означает утверждение о несовместимости экспликации смысла текста и дескрипции генезиса этого смысла. Но, поскольку философский подход предполагает отнесение воспринимаемой данности к собственноличному опыту, воспринятый смысл как продукт мыслительного опыта и

сам этот опыт не противостоят друг другу. Отсюда возникает проблема разрешения противоречия между теоретическим представлением об интерпретации, в которой интерпретация и анализ оказываются несовместимы, и ее практикой, в которой смысл текста, выделяемый посредством герменевтических методов, и опыт мышления автора, извлекаемый с использованием техник анализа, дополняют друг друга.

Постановка задачи. Для разрешения указанной проблемы необходимо: 1) показать, что анализ есть необходимый аспект самой интерпретации, что интерпретация содержит в себе продуктивное, а не только репродуктивное начало; 2) указать на деформации понимания в том случае, если в ходе интерпретации текста игнорируется философский уровень его анализа.

Методология и методика исследования. В статье используются методы аналитической дескрипции опыта мышления и герменевтической экспликации его содержания. В частности, применяется *метод контекстуального анализа* предметного значения понятий и *метод герменевтической аппликации*, эксплицирующий отсылку исследуемого предмета к интерпретирующей личности. Используется также *компаративный метод*, соотносящий аналитическое и герменевтическое направления в философии между собой.

Результаты. В процессе образования мы сталкиваемся с самыми различными текстами. Текст при этом можно воспринимать различным образом – как выражение предданного смысла (учебник), как репрезентацию осуществленного автором опыта (исповедь), как руководство к действию или программу деятельности (инструкция), как инструмент оценки явлений окружающей нас действительности (кодекс). Эти значения не подпадают под общее определение «текста»: каждый вид текста предполагает свой особенный способ содержательно-смыслового наполнения его данности, исключающий единую форму «текстовости»; не случайно, как отмечает А. Залевская, «к числу вечных проблем, неизбежно всплывающих в посвященных тексту публикациях, относится определение самого понятия “текст”» [2, с. 341]. И дело здесь даже не в том, что отдельные значения «текста» соотносятся между собой по принципу «семейных сходств» (Л. Витгенштейн) [3, с. 111], а в том, что в каждом из вышеописанных случаев осуществляется отличное от других разграничение «текста» и «не текста», – так что мы имеем в данном случае не разное понимание одного «предмета», а разные «предметы»; при этом специфика данности каких-то текстов может состоять в том, что они вообще исключают отношение к ним по типу «понимания» (священным текстам нужно внимать, не пытаясь их понять). Например, если мы полагаем, что текст есть выражение духовного опыта, то в этом случае пропадает различие между романом и картиной, – неустранимое в случае, когда текст рассматривается как выражение предданного смысла. Или, например, «текстом» как «руководством к действию» может оказаться не только некая инструкция, написанная на бумаге, но и дорожный знак. И наоборот, письменный текст можно не только понимать: к примеру, сжигая книгу, мы обращаемся с ней как с «дровами» (сходна критика Х. Арендт идеи «подручного» у М. Хайдеггера: женщины иногда забивают гвозди каблуками своих туфель, которые играют в этом случае роль «молотка» [4, р. 102]). Итак, в реальном опыте нам дана лишь платоновская «идея» текста, а не его «понятие». Возможно, конечно, общее определение текста просто *ввести*, – но оно неминуемо окажется продуктом принятия какого-то произвольно выделенного типа отношения к тексту как «единственно верного», и тем самым – попыткой вместить многообразие реального опыта обращения с текстами в априорно предзаданную категориальную схему. Такой насильственный подход мало что дает – при попытке, к примеру, понять классические буддийские тексты как выражение какого-то смысла (а не опыта) они остаются для нас «немыми» [5, с. 309]. Потому и литературовед М. Бахтин проблему текста рассматривает как философскую проблему (см. [6]).

Различные формы «текстовости» могут сосуществовать, не смешиваясь, в одном тексте. Текст есть продукт некоторого опыта, и в силу многослойности самого опыта существуют различные уровни данности текста. Он может оказаться и выражением какого-то смысла, понятого автором, и репрезентацией осуществленного им опыта, и символической конструкцией, цель которой – произвести в читателе определенные мыслительные и духовные состояния. Отсюда и проблема адекватности интерпретации, исток которой заключается прежде всего не в трудности выделения смысла, «соответствующего» тексту, а в трудности соотнесения между собой различных стратегий обхождения с текстом, зачастую между собой не очень согласованных и даже несовместимых. Но и позицию

Р. Барта, согласно которой текст есть «сама множественность смысла» [7, с. 417], следует признать неудовлетворительной, поскольку, во-первых, неясно, что же все это множество смыслов собралось вместе под эгидой данного текста, а во-вторых, в тексте как репрезентации деятельности (отличной от процесса понимания), смысл вообще может отсутствовать; более того, именно отсутствие понимания и приводит к эффективности соответствующего действия, на которое этот текст ориентирует. Если, например, такой идеологически ориентированный текст, как «Краткий курс ВКП(б)», и в частности, раздел «О диалектическом и историческом материализме», попытаться понять, то мы увидим там нечто абсурдное. Ведь сам вопрос о том, что первично – сознание или материя – уже в качестве своей необходимой предпосылки имеет положение о первичности сознания, и тогда утверждение, что материя первична, оказывается просто противоречащим самому себе. Зато тот, кто этот «словесный материал» просто выдает, получает положительный балл на экзамене.

Герменевтика, собственно, и родилась как результат уяснения того, что текст как продукт человеческого опыта не есть просто выражение преднайденного кем-то смысла и что он призван выражать именно *опыт* во всем многообразии его самых различных и несводимых друг к другу сторон. Уже В. Дильтей попытался отделить герменевтический подход от познавательного-теоретического, – хотя окончательно осуществить это не удалось ни М. Хайдеггеру, ни его последователю Г. Гадамеру (см. [8, с. 224]). Задача философии в данной ситуации – найти способ такого герменевтического подхода к тексту, который учитывал бы реальный опыт его данности. Философия есть дисциплина, направленная на выявление предельных оснований отношения человека к миру. В ходе рефлексии она соотносит мир с человеком, а не рассматривает его как наука с некоей надмирной точки зрения. Философская интерпретация текста относит все виды опыта данности текста к бытию человеческой личности. Но не противоречит ли учет человеческой субъективности идее самой герменевтики, ориентированной на то, чтобы принять текст в его данности, таким, каков он есть, а не исказить его смысл, пытаясь понять его «по-своему»? Ведь если субъект уже подходит к миру с предзаданными схемами восприятия и мышления, то он вообще не способен иметь дело с опытом именно как «опытом» – как соприкосновением с тем, что субъекту трансцендентно, с чем-то радикально для него новым («опыт всегда нов», – писал И. Гете [Цит. по: 9, с. 336]).

Такую позицию занимает, в частности, В. И. Молчанов: «Единственным реальным противолом субъективизму остается опыт» [10, с. 243]. Молчанов противопоставляет опыту как принятию субъектом некоторого нового содержания активизм субъекта, который является насильственным по отношению к самому опыту. Но, с другой стороны, без человека нет и опыта: непосредственное переживание является конститутивным моментом любого действительного опыта: так, например, в реальном опыте человек имеет дело не с температурой, а с ощущением тепла и холода (температура же появляется как продукт абстрагирования и обобщения), и именно в этом смысле прав Протагор, на которого ссылается Платон в диалоге «Теэтет»: «Человек есть мера всех вещей...» [11, с. 214]. Тонкость рассматриваемой проблемы в том, что сама личность конституируется в опыте, хотя и не в любом, а только в опыте осуществления свободных действий, актов трансцендирования от наличной данности самого человеческого индивида и той ситуации, в которой он находится. Поэтому, строго говоря, первично нам дан именно процесс создания текста, а автор как личность и готовый текст есть продукты этого процесса.

Сообразно иерархии уровней человеческой деятельности устанавливается и иерархия типов данности текста. Но на разных уровнях этой иерархии мы имеем не только разные стороны текста и личности, но и разный тип их отношения друг к другу в ходе осуществления философской интерпретации. Так, например, когда мы рассматриваем философскую интерпретацию как выявление смысла текста, это есть результат редукции личности к субъекту как активной познавательной силе, которая, опираясь на свои априорные формы, втискивает текст в «формы возможного смысла». Данность текста отождествляется в этом случае с данностью природной вещи, а человеческая личность – с познающим субъектом. Собственно, И. Кант в своей «теоретической» философии, как показал В. Молчанов, конструирует схему, проект деятельности, направленной на подчинение человеку природных стихий, которая переносится затем и на сознание: «не только природе предписываются законы, законы предписываются и сознанию, а именно, законы геометрического пространственного бытия <...>. Натурализация сознания – это не теоретический вывод из определенной концепции, но и практическая возможность навязывать то или иное мировоззрение или

ту или иную картину мира» [10, с. 34]. Итак, иерархически анализ по рангу оказывается выше простой экспликации смысла. Это подчеркивается иногда тем, что текст противится попытке надеть его преданным смыслом: когда, например, К. Гельвеций пишет: «Стань тем, кто ты есть!», то само построение фразы указывает на невозможность понять ее как форму выражения готового смысла. Здесь мы имеем пример так называемой «плодотворной тавтологии» (М. Мамардашвили) [12, с. 24], которая, исключая поверхностное понимание, открывает возможность более глубокого, философского мышления. В указанном же примере невозможности понимания идеологически ориентированного текста иерархия нарушается, и отсюда – деформация самого мышления. В смысле уже имеется отсылка к уровню анализа: «Смысл есть то структурированное предвзятием, предусмотрением и предрешением в-видах-чего наброска, откуда становится понятно нечто как нечто» [13, с. 151]. В свою очередь, анализ отсылает к личности самого интерпретатора, от которого текст оказывается неотделимым.

Текст философа есть преодоление зависимостей, налагаемых на наше сознание, и он есть развернутое выражение акта трансцендирования от той ситуации, в которой он находится. Поэтому в тексте как продукте этого акта в свернутом виде всегда представлен генезис смысла, процесс его конституирования. Само пространство текста и есть то лоно, в котором рождается свободное сознание и порождается соответствующий смысл как репрезентант осуществленного опыта сознания. Сложность постижения философских текстов как раз и заключается в этой многоуровневости их бытия, связанной с тем, что в них осуществляется наиболее полное выражение бытия человеческой личности, во всей иерархической многоуровневости ее действительности. Потому и получается, что мы, например, интерпретируя Платона, сами уже до всякой интерпретации (в том числе и критической) оказываемся в зависимости от той формы мышления (и соответствующей стратегии интерпретации), которая была создана именно Платоном. Произведение культуры открыто, оно допускает возможность наполнения его самым различным содержанием. Цель интерпретации состоит вовсе не в том, чтобы воспроизвести в собственной мысли тот смысл, который имел в виду автор, а в том, чтобы, опираясь на ту форму мышления, которая была создана автором, произвести собственную мысль. Анализ как адекватная презентация конституирования смысла оказывается слоем в интерпретации, так как последняя не есть лишь экспликация конституированного смысла: философская интерпретация есть не только воспроизводство в своем сознании *результата* мыслительного пути, но и повторение самого *пути*. Итак, различие между анализом и интерпретацией есть на деле различие не двух способов отношения к тексту, а двух этапов *одной* интерпретации: 1) экспликация конституированного смысла; 2) дескрипция конституирования смысла.

Видя в тексте философа лишь уровень заданного смысла, мы смешиваем его с обычным текстом. Да и что могло бы означать выражение «объективно-научное прочтение», к примеру, Парменида или Гераклита? Так называемый «объективизм» грешит всегда определенными предрассудками, но, в отличие от герменевтического подхода, к тому же еще и невыявленными. Как пишет М. Хайдеггер, «все истолкования в области истории философии, а равным образом и в других областях, которые следят за тем, чтобы в отличие от проблемно-исторических “конструкций” не приписывать текстам того, что в них нет, должны быть уличены в том, что они так же приписывают то, чего нет, только без ориентирования и с помощью понятийных средств весьма неоднородного и неконтролируемого происхождения. Считают, что эта беспечность в отношении того, что “собственно делают”, и невежество в отношении использованных при этом средств является исключением всякой субъективности» [14, с. 48].

В каком смысле можно говорить об «аутентичном прочтении» текста древнего философа? То, что живо, то, в чем бьется живая мысль, не есть нечто придуманное или привнесенное в текст. «Это приписывание смысла не только не противоречит смыслу исторического исследования, но, напротив, есть основное условие для того, чтобы прошлое вообще воскресло в слове» [14, с. 47]. Проблема здесь в том, что тексты древних мыслителей есть скорее «машины для мысли», конструкции для порождения смысла. Они *открыты*, иногда вообще конкретного смысла не содержат (который, даже если в их текстах и имеется, – то *не это в них – главное*), а представляют собой *описание пути мысли*. Чем нам интересен Парменид или Гераклит – так это тем, что они содержат в себе наиболее чистый и незамутненный исток мысли, представляют собой опыт мыш-

ления, в котором всё психически-субъективное редуцировано. Поэтому и можно говорить, что в зародыше там «уже всё есть» (Мамардашвили) [15, с. 80]: все основные проблемы, пути мысли и способы философской аргументации. Сам текст философа есть условие создания философской мысли, условие того, что мы можем состояться в качестве мыслящих. Фалес, к примеру, не просто нечто утверждает (а именно, что «все – из воды»), он изобретает саму форму суждения как специфического способа организации и выражения философской мысли.

Философским *произведением* является на деле не отдельно взятый *текст*, а некоторый синтез текста как конструкции, создающей условия возможности мыслительного акта и живого состояния мысли читателя. Текст Гераклита как существующий «сам по себе» есть фикция, – последнее представление есть продукт как раз современного научного мировоззрения, отягощенного пред-рассудком идеи относительно «самих по себе» независимо от нас существующих вещей мира, так что и культурные предметы начинают восприниматься с таких же позиций. Но произведения культуры – не замкнутые образования, их смысл – *становящийся* (текст в процессе культурной истории обрастает снежным комом интерпретаций, выступающих в определенном смысле аспектом данного текста как произведения культуры: В. Беньямин говорил в этом плане об «ауре», обволакивающей текст), они уже имеют интенцию, обращенную к читателю. Ложна исходная дилемма – либо текст, имеющий какое-то абсолютно аутентичное прочтение (смысл), либо живое состояние мысли читателя, для которого текст – лишь необязательное средство для порождения собственной мысли. В обоих случаях мы имеем абстракцию от их изначальной целостности в составе *произведения*, – несводимого в этом смысле к просто *тексту*. Сам по себе текст не является философским или нефилософским. Как пишет В. Библихин, «можно всю жизнь просидеть над фило-софскими текстами и ни разу не прочесть ни строки философии: читать ее “газетными глазами” (Деррида)» [16, с. 340]. А если читать философски, то можно увидеть глубокий фило-софский смысл и в рекламе мыла (М. Мамардашвили).

Выводы. 1. Философская интерпретация текста осуществляется на двух уровнях: 1) экспликации конституированного смысла; 2) дескрипции конституирования смысла.

2. Специфика философского произведения – в том, что в нем: 1) присутствует эксплицированное выражение его генезиса; 2) опыт сознания как опыт конституирования смысла дан в предельно очищенном виде.

3. Выделяемый в процессе философской интерпретации смысл – предельный, т. е. в нем имеется отсылка к бытию человека.

4. Текст может быть дан нам: 1) как независимо от нас существующий «объект», имеющий предданный нашей интерпретации смысл; 2) как симбиотическое единство читателя и текста в составе цельного «произведения», смысл которого порождается в качестве эффекта его «жизни».

5. Игнорирование уровня анализа в интерпретации философского текста приводит к деформации герменевтического опыта, проявляющейся в нарушении способности усмотрения смысла, а тем самым и к искажению самого выделяемого смысла.

6. Пример такого выражения деформированного опыта мышления дает нам «учебник». Если в случае учебника, скажем, по физике искажение понимания не приводит к искажению самой истины, то в случае учебника по философии искажение смысла с необходимостью ведет к искажению и философской истины (пример – ложное толкование во многих учебниках «идеи (эйдоса)» Платона как общего понятия).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Молчанов В. И. Анализ и/или интерпретация в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера и за ее пределами // Ежегодник по феноменологической философии. 2008. №1. С. 128–160.
2. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. М.: Гнозис, 2005.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
4. Arendt H. Between Past and Future. Penguin books, 1968.
5. Зильберман Д. Генезис значения в философии индуизма. М.: Эдиториал УРСС, 1998.
6. Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 281–307.
7. Барт Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1994.

8. Глазман М. С. Понимание и опыт в философской герменевтике Гадамера и в диалогике // АРХЭ: Ежегодник культурологического семинара. Вып. 2. М.: РГГУ, 1996. С. 147–232.
9. Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002.
10. Молчанов В. И. Феномен пространства и происхождение времени. М.: Академический проект, 2015.
11. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993.
12. Мамардашвили М. К. Опыт физической метафизики. М.: Прогресс-Традиция, 2008.
13. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Ad marginem, 1997.
14. Хайдеггер М. Феноменологические интерпретации Аристотеля. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2012.
15. Мамардашвили М. К. Картезианские размышления. М.: Прогресс, 1999.
16. Бибихин В. Чтение философии. СПб.: Наука, 2009.

REFERENCES

1. Molchanov V. I. [Analysis or interpretation of fundamental M.Heidegger ontology]. *Ezhegodnik po fenomenologicheskoy filosofii = Yearbook of phenomenological philosophy*, 2008, no. 1. pp. 128–160 (in Russ).
2. Zalevskaya A. A. *Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst: Izbrannye Trudy* [Psychological research. Word. Text: selected proceedings]. Moscow, “Gnozis”, 2005.
3. Vithenshtein L. *Filosofskie raboty. Ch. 1* [Philosophical proceedings. Part 1]. Moscow, “Gnozis”, 1994.
4. Arendt H. *Between Past and Future*. Penguin books, 1968.
5. Zilberman D. *Genezis znacheniya v filosofii induizma* [Genesis of meaning in Judaism]. Moscow, Editorial URSS, 1998.
6. Bakhtin M. M. *Problema teksta v lingvistike, filologii i drugih gumanitarnykh naukah. Opyt filosofskogo analiza* [The problem of text in linguistics, philology and other Humanities. Experience of philosophical analysis]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of oral skills]. Moscow, “Iskusstvo” Publ., 1986.
7. Bart R. *Izbrannye raboty* [Selected proceedings]. Moscow, “Progress” Publ., 1994.
8. Glazman M. S. [Experience in philosophical hermeneutics of Hadamer and dialogue]. *Ezhegodnik kulturologicheskogo seminarara = Yearbook of seminar in Culturology*, 1996, Vol. 2. pp. 147–232 (in Russ).
9. Ukhtomsky A. A. *Dominanta* [Dominant]. St.Petersburg, “Piter” Publ., 2002.
10. Molchanov V. I. *Fenomen prostranstva i proishozhdenie vremeni* [Phenomenon of space and time origin]. Moscow, Academic project, 2015.
11. Platon. *Sobranie sochineniy v 4 t. T. 2* [Selected proceedings of Platon. Vol.2]. Moscow, “Mysl” Publ., 1993.
12. Mamardashvili M. K. *Opyt fizicheskoy metafiziki* [Experience of physical metaphysics]. Moscow, “Progress-Traditsiya” Publ., 2008.
13. Haydegger M. *Bytie i vremya* [Genesis and time]. Moscow, Ad marginem Press, 1997.
14. Haydegger M. *Fenomenologicheskie interpretatsii Aristotelya* [Phenomenological interpretation of Aristotle]. St.Petersburg, “Gumanitarnaya Akademiya” Publ., 2012.
15. Mamardashvili M. K. *Kartezianskie razmyishleniya* [Cartesian views]. Moscow, “Progress” Publ., 1999.
16. Bibihin V. *Chtenie filosofii* [Philosophy]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2009.

Информация об авторе

Кушнарченко Сергей Петрович – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, ФГБОУ ВО Новосибирский ГАУ (630039, г. Новосибирск, ул. Никитина, 155, e-mail: kushnarenko.sergey64@mail.ru).

Information about the author

Sergey P. Kushnarenko – Candidate of Philosophy, Associate Professor at the Chair of Philosophy of Novosibirsk State Agrarian University (155 Nikitina Str., 630039 Novosibirsk. e-mail: kushnarenko.sergey64@mail.ru).

Принята редакцией: 12.01.2016

Received 12 January 2016